

Все ли противоречия разрешимы?¹ Рецензия.

В июле 2002 года в совете Д 212.062.01 при Ивановском государственном университете была успешно защищена выполненная под руководством профессора Г. М. Нажмудинова кандидатская диссертация Л.Д. Петрякова по специальности «онтология и теория познания». Данный критический отзыв публикуется с намерением привлечь внимание широкого читателя к весьма неординарному исследованию молодого ученого, выпускника Ярославского государственного педагогического университета, а ныне преподавателя кафедры философии технологического университета.

Читая диссертацию Л.Д.Петрякова, я получил подлинное интеллектуальное наслаждение. На мой взгляд, она, с одной стороны, служит опровержению принципа Иоанна Дунса Скота «из противоречия следует все, что угодно». Отнюдь, ибо великий схоласт, следуя бинарной логике, отождествлял противоречие с ложью. С другой стороны, диссертация служит опровержению представления о противоречии как бессмыслице (абсурде), неизбежно заводящем наше мышление в тупик. С этой точки зрения все противоречия оказываются тождественными друг другу, что неверно.

Л.Д.Петряков предлагает шкалу исчисления истинности антиномических (парадоксальных) высказываний в контексте диалога (хотя, заметим попутно, и не всякий диалог имеет целью достижение истины). В диссертации впервые вводятся логические алгоритмы (набор правил) разрешения противоречий в диалоге, поэтому она оригинальна и имеет не только теоретико-методологическое, но и практическое (утилитарное) значение.

---

¹ Петряков Л.Д. Пути разрешения противоречий, возникающих в диалоге, в науке и культуре. Дис. ... канд. филос. наук. Гос. ун-т. Иваново, 2002.

Обращение Л.Д.Петрякова к своей теме, разумеется не случайно. Она органично включена в одно из наиболее перспективных направлений современных философских исследований, восходящее корнями (корни наверху) к иудейской традиции. Обзор концепций диалога, хотя и неполный, содержится в параграфе 1 первой главы. Для иудеев познание означает взаимное общение, в котором противоположности сливаются в единство «мы»; отсюда следует примат вслушивания над созерцанием. Для такого (темпорального) типа мышления, которому свойственно понимание сущего как становления во времени, истинное бытие связано с говорением, которое, в свою очередь, онтологизируется.

В дискуссиях мудрецов Талмуда можно обнаружить истоки авторской парадигмы, в последовательности: постановки проблемы, формулирования трудности (парадокса) и разрешения противоречия в соответствии с определенными правилами. Поэтому закономерно обращение Л.Д.Петрякова к языку, к методам лингвистической философии. Логические концепции диалога, в проблематике вопросов и ответов, нередко соединяются с лингвистикой.

Остается, однако, непонятным, почему, обращаясь преимущественно к логике и аппарату лингвистической философии, диссертант не указал этого в обосновании своих методологических подходов во введении (заметим попутно, что введение «сыро» и не репрезентирует должным образом всего богатства содержания диссертации).

Формальная логика, как известно, изучает мышление с точки зрения его способности быть выраженным в языке; отсюда возникают проблема смысла и значения (параграф 2 второй главы), проблема противоречия содержания и языка (параграф 1 второй главы) и проблема парадокса. На основе «цепи» противоречий, появляющихся друг из друга, исторически устанавливается связь онтологического, гносеологического и этического уровней познания, как мы это можем наблюдать в различных направлениях религиозной философии.

Вполне естественным выглядит и присутствие этих уровней в диссертации: упорядочение свойств объекта диалога (параграф 1 первой главы), упорядочение познавательных свойств субъекта диалога (параграф 1 второй главы) и исследование «этик» как логико-лингвистических конструкций (параграф 1 третьей главы). Обычно сохранение онтологического уровня не позволяет в рамках теории диалога осуществить исследование знака, но Л.Д.Петрякову это удается.

В сущности, в центре исследования находится проблема понимания, ибо теория понимания является предпосылкой концепций диалога; понимание может быть представлено как обнаружение и «снятие» парадокса. Диссертант указывает на неполноту и замкнутость любых систем (параграф 2 первой главы), предлагает рассматривать диалог как незамкнутую (открытую) систему или взаимодействие замкнутых систем различной сложности и описывает вероятностную модель такого взаимодействия. Данный подход выглядит весьма продуктивным.

Мир становится действительным миром лишь тогда, когда реализуется отношение его составляющих, а это отношение может реализоваться только в говорении (речевом общении), причем мышление становится речевым диалогическим со-бытием. Обычно в такой интерсубъективной связи, где истина обнаруживается «между», в сфере взаимного отношения партнеров диалога, субъект-объектные связи не актуализируются, но Л.Д.Петряков их выявляет, вводя понятие «истины-процесса», а не «истины-результата». Таким образом диалог предстает самоорганизующейся системой. Можно было попробовать применить в исследовании методы синергетики – постнеклассической теории самоорганизующихся систем.

Полезно, на мой взгляд, в целях строгости и точности анализа, развесити, дифференцировать значение таких терминов, как диалог, коммуникация и общение; система и структура; антиномия и парадокс (они употребляются в диссертации зачастую безразлично, как синонимы). Автор мог предложить

свои дефиниции соответствующих категорий в тех случаях, если они отличаются от общепринятых.

Диссертант приводит концепцию М.Хайдеггера о «проступании» бытия в мир через человеческое наличное бытие, когда «осознание субъектом смысла творит востребованный им мир» (уточним: когда человек выступает медиумом овремениющегося бытия). Рядом упоминается гипотеза «лингвистической относительности» Э.Сепира – Б. Уорфа, что оставляет читателя в недоумении: самосознание для диссертанта первично, безусловно или производно, обусловлено?

Смысл гипотезы «лингвистической относительности» сводится к тому, что языки, на которых мы говорим, создают (или полагают границы) тех миров, в которых мы живем, или (по Э. Сепиру), «мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления, главным образом, благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения».

Из этого следуют вопросы: 1) всегда ли соизмеримы альтернативные высказывания в диалоге, в их отношении к объектам (или фактам)? 2) если собеседники (партнеры диалога) говорят на разных языках и живут, таким образом, в разных мирах, – как можно допустить, что высказывание одного из них является отрицанием высказывания другого? 3) совместимы ли несоизмеримые высказывания (всегда ли их можно поместить в общий контекст)? Эти вопросы задает себе Л.Д.Петряков, но продуманы ли они им до конца?

Диссертант рассуждает следующим образом. На основе классификации диалогов, данных С.И.Поварниным (по объекту, функции и по системным свойствам) он вначале предлагает в виде схемы и затем последовательно развертывает расширенную логическую классификацию диалогов, с учетом контекста (ценностных различий), которая включает девять позиций (пункт 1.6 параграфа 2 третьей главы). Используя схему классификации, а также введенные им семь правил диалога, диссертант верифицирует свою гипотезу,

сформулированную так: «В отличие от дуалистического (формально-содержательного) разделения, чреватого неизбежными парадоксами, – троичное разделение, включающее событийно-системный момент, от парадоксов избавлено» (параграф 2 первой главы).

При анализе диалогов, Л.Д.Петряков, исходя из принципа дополненности, отказывается от дуальной логики «да и нет» в пользу троичной логики отношений. На основании допущения системного сходства логики и этики он, со ссылкой на Ж.Делеза, предлагает классификацию этических систем по критерию сложности субъекта диалога (числу его предикатов и последовательности их появления в высказывании) и системные правила, регулирующие межэтическое взаимодействие.

В итоге диссертант формализует два пути разрешения противоречий в диалоге: 1) парадоксальный, связанный с движением познания по цепи логико-лингвистических систем и 2) непарадоксальный, выявляемый в системном, тринитарном подходе и ведущий к определению конкретного контекста и далее – к разрешению противоречия (параграф 3 третьей главы). Таким образом, в концепции Л.Д. Петрякова любые возможные антиномические противоречия, обнаруживаемые в диалоге, получают свое разрешение через открытые им определенные операционные механизмы.

Проект впечатляет своим масштабом, новизной, а также простотой и ясностью способа решения проблемы. На мой взгляд, цели и задачи, поставленные автором перед собой, весьма успешно выполнены. Но требуется комментарий. Диссертация названа «Пути разрешения противоречий, возникающих в диалоге, в науке и культуре», таким образом, кроме разрешимости должна подразумеваться неразрешимость. Возникает вопрос: все ли противоречия разрешимы, а если да, то разрешимы ли однозначно и до конца или остается нередуцируемое множество структурных возможностей?

Неразрешимости (термин К.Геделя) обуславливают систематизацию (Л.Д.Петряков постоянно стремится построить систему), но сами при этом

несистематизируемы. Они обуславливают полноту и непротиворечивость систем, но сами обозначают нетождественность, неполноту и противоречивость систем. Не противоречит ли построение рациональных систем, устремленных к единству и единственности значений, диалогическому мышлению?

Может ли быть формализована система, которая неразрешима, исходя из одного определенного центра или принципа? Ведь как раз игра, смещение центра, блуждание неуготованного места истины, по идее Ж.Дерриды, восходящей к иудейской традиции, обуславливает возможность систематизации и формализации. Диалог троичен. Обращение Л.Д.Петрякова от дуальной логики к троичной продуктивно, но все ли парадоксы снимаются в ее рамках? Ведь существует еще и многозначная вероятностная логика, а число участников диалога (полилога) может быть больше двух.

Сама категория «противоречие» является порождением бинарного мышления, требующего строгой дизъюнкции, и наиболее полное свое развитие получила в западной диалектической логике (у Г.Гегеля). Не случайно Гегель отказался признавать за учениями Востока философский статус, из-за их неспособности оперировать парами дихотомичных понятий. В антиномизме парные категории выражают разные опыты, разные факты и мироотношения.

Обращение Л.Д.Петрякова к принципу взаимной дополнительности, к аксиологии, учет ценностных контекстов высказываний, также весьма продуктивны. Но возможен ли путь синтеза, корреляции, согласования позиций между системами, различными в пределе: индийской логикой тождества противоположностей, китайской логикой их взаимного превращения и иранской (зороастрийско-манихейской) логикой извечной борьбы противоположностей? Иначе говоря, с эпистемологической точки зрения, где граница наших познавательных возможностей поиска истины в диалоге?

Восточная религиозная философия, мистические концепции различных религий воплощают принцип целостности, единого (персонифицированный

или безличный). Но все они свидетельствуют о том, что при переходе с одного уровня познания на другой, более высокий – противоречие устраняется и остается (что выражается термином «снятие»); разрешение антиномий в сфере логического, вербального мышления невозможно, а возможно лишь на высшей экзистенциально-психологической (или эмоционально-эстетической) ступени познания. Таким образом, целостный мир металогичен и является, скорее, предметом интуиции, которая, впрочем, может быть исчислена в языке.

Уместно вспомнить о том, что в рамках лингвистической философии Ч.С.Пирс выделил три типа знаков: знак – индекс, иконический знак и символический знак. Сама постановка лингвистических проблем входит в условия формирования антиномического мышления, порождая герменевтические (интерпретационные) стратегии. Но перед истиной речь умолкает, молчание превышает речи. Ответом на вопрос об истине бытия может быть прямое действие, например, пощечина в чань (дзен) буддизме.

Диалог включает в себя умолчания (намеренные и ненамеренные), какова же роль (функция) этих пауз? Она может быть, по-видимому, различной, в зависимости от ситуации: как таящей в себе потенциальную полноту неизреченного «да»формирующей позитивной энергией смысла – так и формой чистой негативности (с моральной точки зрения, зла), отрицающей конкретно реализованные смыслы. Можно ли представить диалог как имеющий свою логику хаос несовместимых и несоизмеримых высказываний, в котором каждое суждение является частью целого и из которого может родиться новый порядок (система)? Если да, то целесообразно обратиться к современной хаосологии.

Автор исходит из весьма нетривиальной посылки, что «нравственные ценности – наиболее простая и фундаментальная система, структурирующая познавательный и коммуникативный аппарат, обуславливающая особенности логики и семантики». Это очень интересная мысль, с которой можно согла-

ситься. Действительно, познание человека может совпадать с его нравственным самоопределением.

Диссертант выделяет не менее четырех этических систем, с характерными для них парадоксами, правилами логического следования и языковыми выражениями. Продолжение ряда «этик», основанного на чувствах «я» к «другому» и, по мнению Л.Д.Петрякова, бесконечного – вызывает сомнения. По-видимому, следует развести этику с логикой аксиологических модальностей. Может ли у ряда «этик» быть именно эта, определенная «точка отсчета» – и никакая другая? Наконец, можно ли допустить, что существует предел сложности систем? В таком случае последовательность «этик» оказалась бы конечной, а шкала корреляции антиномий в контексте диалога приобрела бы перспективу завершения.

Гипотеза Л.Д.Петрякова убедительно верифицирована на примерах различных диалогов: философских, научных, литературных. Наиболее квалифицированно, на мой взгляд, проведен анализ фрагмента романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и эссе С.Цвейга «Принуждение». Однако желательно ввести и фальсифицирующие инстанции, а для этого дать критический обзор альтернативных методологических подходов к исследованию проблемы (психологического; с точки зрения теории игры, синергетики, семиотики и т.д.), следуя рекомендации П.Фейерабенда о «пролиферации» (размножении) теорий.

Впрочем, высказанные сомнения, вопросы и пожелания не снижают моего весьма высокого мнения о диссертации Л.Д.Петрякова, которая является новаторским, оригинальным философским произведением, требующим опубликования в виде монографии. Это исследование процесса становления, разрушающее центризм монологических смыслов; плодотворный результат поиска гибкой стратегии разрешения противоречий в условиях нестабильности современного мира, порождающей конфликтные ситуации, неопределен-

ности будущего. Концепция Л.Д.Петрякова может послужить основанием для перехода к новым вариантам гносеологии.